

ВЕНЕРИАНСКИЙ ИСХОД

Два мира — одна судьба

Андрей Якубовский

Андрей Якубовский

Венерианский исход

<https://litres.ru/74324677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Венерианский исход — это захватывающая научно-фантастическая сага о мире, который висит на волоске.

В будущем Венера превратилась в ад из-за парникового эффекта. Человечество выжило лишь в городах-аэростатах, парящих в стратосфере, где ещё есть кислород и комфортная температура. Города разделены на враждующие гильдии, а два самых могущественных стоят на пороге войны.

Содержание

Глава 1. Белград — город-кольцо	4
Глава 2. Гильдии Белграда	14
Глава 3. Прогулка по городу	24
Глава 4. Архив истории	34
Глава 5. Память об отце	45
Глава 6. Взгляд с той стороны	54
Глава 7. Капитан Майкл Фокс	60
Глава 8. Генерал Хейворд	65
Глава 9. Тени прошлого Майкла	70
Глава 10. Подготовка к войне	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Андрей Якубовский

Венерианский исход

Глава 1. Белград — город-кольцо

Максим Гусев стоял на краю обзорной площадки пятого яруса и смотрел вниз, на бесконечное море жёлто-серых облаков. Они клубились там, глубоко внизу, в пятидесяти трёх километрах от того места, где он стоял. Эти облака были единственным небом, которое он знал — плотная пелена серной кислоты, затянувшая всю планету триста лет назад. Триста лет, одиннадцать месяцев и двадцать три дня, если

быть точным. Эту цифру знал каждый житель Белграда. Её учили в школах, её повторяли на праздниках, её выбивали на памятниках. Триста лет люди жили в небе, потому что земля внизу превратилась в ад.

Максим провёл ладонью по холодным перилам из Венерита и вздохнул. Город под ним просыпался. Искусственные светодиодные панели, встроенные в верхнюю оболочку тороидального кольца, медленно увеличивали яркость, имитируя рассвет. Сначала появился мягкий голубоватый свет, потом — золотистый, тёплый, как настоящее солнце, которого никто здесь никогда не видел. По переходным коридорам задвигались тени — первые жители, спешащие на работу. Где-то внизу, в промышленных секторах, загудели механизмы.

Белград был городом-кольцом — гигантским тором, медленно вращающимся вокруг своей оси. Это вращение создавало искусственную гравитацию, которая удерживала людей на внутренней поверхности кольца. Шесть километров в поперечнике, почти девятнадцать километров по внешней окружности. Внутри — пять ярусов, каждый со своей функцией. Внешний ярус, тот, что ближе к облакам, был промышленным — ангары, склады, ремонтные мастерские, системы переработки воздуха и воды. Следующий — жилой, где обитали большинство семей. Третий — административный, с залами Советов, архивами и лабораториями. Четвёртый — оранжереи и парки, лёгкие города. И пятый, самый внутренний, где искусственная гравитация была слабее всего, — сек-

тор Гильдий, место, где принимались решения.

Максим жил в третьем ярусе, в небольшой квартире с окнами, выходящими во внутренний двор. Оттуда не было видно облаков — только стены соседних зданий и искусственные деревья, выращенные в гидропонных кадках. Иногда он поднимался на обзорные площадки, чтобы посмотреть на бесконечную желтизну внизу. Этот вид напоминал ему о том, что город — не просто дом. Он был убежищем. И он был хрупким.

Он вспомнил, что рассказывал отец. Когда-то, триста лет назад, Венера была зелёной. Океаны плескались внизу, леса шумели на ветру, и небо было голубым. Но потом пришло потепление. Планета начала нагреваться, океаны испарялись, леса горели. Люди, которые жили тогда, не могли улететь — у них не было кораблей, способных преодолеть миллионы километров до другой планеты. Вместо этого они нашли решение. Они нашли Венерит.

Металл, который не ржавел, не окислялся, не разрушался. Его добывали в недрах ещё живой планеты, а потом использовали для строительства городов-аэростатов. За десять лет они подняли десятки городов в стратосферу, туда, где температура ещё держалась в пределах двадцати градусов. Они спаслись. Но они не смогли спасти всё.

Максим посмотрел на свои руки. Кожа была сухой, шершавой — следствие вечного недостатка влаги. Увлажнители работали круглосуточно, но они не могли воспроизвести на-

стоящий дождь. Никто в Белграде не знал, что такое дождь. Никто не слышал, как он стучит по крышам. Никто не чувствовал, как он пахнет.

Он оттолкнулся от перил и пошёл по переходному коридору вниз, к жилому сектору. Пол под ногами был тёплым, гладким — Венерит был приятным на ощупь. Стены вокруг него были покрыты панелями из того же металла, но чуть более светлыми, с едва заметным серебристым отливом. Вдоль стен тянулись трубы и провода, скрытые за декоративными решётками. Всё здесь было функциональным, продуманным, рассчитанным на столетия использования.

Он прошёл мимо небольшого парка, где дети уже играли в мяч. Их смех эхом разносился по переходу, смешиваясь с гулом вентиляционных систем. Максим улыбнулся, глядя на них. Эти дети никогда не видели войны. Они не знали, что такое бомбардировки и эвакуации. Они росли в мире, который казался им вечным. И он хотел, чтобы так и было.

Но тревога не отпускала его. Где-то далеко, за жёлтыми облаками, находился Кадуган — город-копье, который жил по другим законам. Они не строили парки. Они не растили цветы. Они строили оружие и готовились к войне.

Максим остановился у входа в свою квартиру и положил ладонь на сенсорную панель. Дверь открылась с тихим шипением. Внутри было тихо — мать ещё не вернулась из оранжерей. Он прошёл в маленькую гостиную, сел на стул и посмотрел в окно. За стеклом мелькали огни города, а вдалеке,

сквозь туман, виднелся край кольца, за которым начинались облака.

Он думал о том, что скоро наступит день, когда ему придётся сделать выбор. Как и его отцу. Выбор между безопасностью и надеждой. Между войной и миром.

Он сжал в руке кулон на шее — маленький кусочек Венерита, подаренный матерью. Металл был холодным и гладким. «Он будет помнить нас, — сказала она тогда. — Даже когда нас не станет, этот металл останется».

И Максим знал, что он сделает правильный выбор. Он делает всё, чтобы его город выжил.

Максим проснулся от тихого, настойчивого звона — встроенный в стену коммуникатор требовал внимания. Он открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок, тускло освещённый ночными светодиодами, которые постепенно набирали яркость. Внутри квартиры было прохладно и сухо, как всегда — системы климат-контроля работали экономно, поддерживая лишь минимально комфортную температуру.

Он сел на кровати и потёр лицо ладонями. Кожа была сухой, шершавой, и он привычно потянулся к тюбику с увлажняющим кремом, стоявшему на тумбочке. Триста лет люди жили в искусственной среде, и их тела всё ещё помнили настоящий воздух, которого здесь не было.

Коммуникатор замолчал — кто-то уже отключился, поняв, что он не отвечает. Максим взглянул на экран: вызов от Дмитрия, сделанный пятнадцать минут назад. Он мысленно

отметил, что нужно будет перезвонить другу, но сначала — завтрак и мать.

Он поднялся, прошёл в небольшую ванную комнату, где узкая раковина была встроена в стену из Венерита. Вода лилась тонкой струёй — экономия, всегда экономия. Он умылся, глядя на своё отражение в тёмном металле: тридцать восемь лет, русые волосы, серо-зелёные глаза, морщины в уголках глаз — следствие усталости, а не возраста. Отец в его возрасте выглядел моложе. Или это ему так казалось?

Когда он вышел в крошечную кухню-гостиную, мать уже была там. Анна Гусева стояла у плиты, помешивая что-то в маленькой кастрюле. Ей было почти семьдесят, но она держалась прямо, с той грацией, которую не сломили ни годы, ни лишения. Её седые волосы были собраны в тугую косу, а глаза — тёплые, карие — светились, когда она увидела сына.

— Доброе утро, Максим, — сказала она, не оборачиваясь. — Я слышала, как ты встал. Садись, завтрак почти готов.

Он сел за маленький стол у окна, откуда открывался вид на внутренний двор с искусственными деревьями. Деревья были старыми, их листья имели бледный, болезненный оттенок — гидропоника не могла полностью заменить почву и солнце. Но они жили, как жили и люди.

Мать поставила перед ним тарелку с кашей — синтетическая основа, но с добавлением настоящих трав, выращенных в оранжереях. Запах был тёплым, успокаивающим. Максим взял ложку и начал есть, чувствуя, как усталость постепенно

отпускает его.

— Ты опять не спал ночью, — сказала мать, садясь напротив с чашкой чая. Она всегда знала, когда он не спал. Всю жизнь знала.

— Думал, — ответил он коротко.

— О чём?

Он помедлил, откусывая ложку каши. Говорить правду или уйти от ответа? Но мать всегда видела его насквозь.

— О Кадугане. О том, что они снова собирают флот. О том, что мы не можем вечно воевать. И о том, что я должен что-то сделать.

Анна поставила чашку на стол и посмотрела на него долгим взглядом. В нём не было укора — только понимание, смешанное с болью.

— Ты похож на своего отца, — сказала она тихо. — Такой же. Он тоже не мог сидеть сложа руки. Он тоже думал, что должен всё исправить.

— Он пытался, — сказал Максим. — Он сделал первый шаг. И он погиб.

— Он погиб, но он не сдался, — ответила мать. — Он верил, что слова сильнее пуль. И он был прав. Но слова не всегда спасают. Иногда они только отдаляют неизбежное.

Максим поднял на неё глаза.

— Ты считаешь, что я не должен лететь? — спросил он.

— Я считаю, что ты должен быть готов ко всему, — сказала она. — И что бы ты ни решил, я буду с тобой. Как была

с ним.

Они замолчали. В кухне слышно было только тихое шипение вентиляции и далёкий гул города. Максим доел кашу и отодвинул тарелку.

— Я хочу пойти с тобой в оранжереи, — сказал он. — Сегодня. Перед заседанием.

Мать улыбнулась — впервые за утро.

— Ты всегда любил их, когда был маленьким. Помнишь, как бегал между рядами и спрашивал, почему растения не растут выше?

— Я помню, — ответил он. — И я помню, как ты говорила, что это из-за слабой гравитации. Я не верил.

— Ты всегда был упрямым, — сказала она, вставая. — Идём. Покажу тебе, что мы вырастили.

Они вышли из квартиры и направились к лифтам, ведущим в четвёртый ярус. По пути Максим заметил, что коридоры сегодня пустовали — многие жители уже ушли на работу, а те, кто остался, сидели у репродукторов, слушая новости. Голоса дикторов звучали тревожно, и Максим уловил знакомые слова: «Кадуган», «флот», «нейтральная полоса».

Мать, казалось, не обращала на это внимания, но он знал — она слышала всё. Она всегда слышала всё.

Лифт остановился на четвёртом ярусе, и перед ними открылось огромное пространство оранжерей — километры стеклянных куполов, под которыми зеленели ряды растений. Здесь было теплее, влажнее, чем в жилых секторах, и воздух

пах землёй и зелены — тем самым запахом, который отсутствовал везде.

Они прошли между грядками, где росли салат, травы, мелкие овощи. Всё было идеально организовано: капельный полив, искусственное освещение, контроль температуры. Каждое растение было на счету.

— Это наш новый сорт чая, — сказала мать, останавливаясь у небольшого кустика с бледными листьями. — Мы вывели его из старых семян, найденных в архивах. Он растёт быстрее и даёт больше урожая.

Максим наклонился и провёл пальцем по листу. Он был мягким, живым.

— Ты гордишься этим, — сказал он.

— Горжусь, — ответила она. — Потому что это значит, что мы не просто выживаем. Мы живём. Мы строим будущее.

Она посмотрела на него, и в её глазах была та же надежда, что и много лет назад, когда она сказала: «Мы будем жить за него».

— И ты тоже строишь будущее, Максим. Ты — дипломат. Твоё оружие — слова. Не дай им заржаветь.

Он кивнул, чувствуя, как тепло разливается в груди.

— Я не дам, мама. Обещаю.

Они постояли ещё немного в тишине, глядя на зелёные ряды, которые были единственным напоминанием о том, что Венера когда-то была живой. И в этом молчании Максим

чувствовал силу, которая помогала ему идти вперёд.

Глава 2. Гильдии Белграда

Максим покинул оранжереи с чувством лёгкой, но настойчивой тревоги, которая не покидала его с того момента, как он увидел пустые коридоры и услышал тревожные голоса дикторов. Он знал, что заседание Совета будет трудным. С каждым днём напряжение между гильдиями росло, и сегодня, после того как разведка подтвердила передвижение флота Кадугана, это напряжение могло вылиться в открытый конфликт внутри самого Белграда.

Он прошёл по переходному коридору, соединяющему четвёртый ярус с третьим, где располагались административные центры. Стены здесь были более массивными, с гербами

всех пяти гильдий, выгравированными на металле через равные промежутки. Герб Гильдии Мира, его гильдии, изображал раскрытые ладони, держащие ветвь — символ доверия и открытости. Рядом с ним — скрещённые молоты Гильдии Инженеров, раскрытая книга Гильдии Учёных, перекрещённые мечи Военных и весы Торговцев. Пять гильдий — пять столпов, на которых держался Белград. Но столпы эти начинали трещать.

Максим остановился на мгновение перед гербом Гильдии Военных и задержал взгляд на перекрещённых мечах. Маршал Соколов, старый вояка с седыми усами и тяжёлым взглядом, не раз говорил, что дипломатия — это роскошь, которую Белград не может себе позволить. Он требовал увеличить военный бюджет, построить новые истребители, усилить оборону внешнего пояса. И он был не одинок в своих требованиях. В последние месяцы к нему присоединились многие офицеры, которые видели только один способ выжить — стать сильнее врага.

Максим вздохнул и пошёл дальше. Через несколько минут он вошёл в большой зал заседаний — круглое помещение с высоким потолком, в центре которого стоял массивный стол из тёмного Венерита. Вокруг стола были расставлены кресла для глав гильдий — по одному на каждую. Но сегодня мест было больше: на заседание пригласили не только глав, но и их заместителей, а также ведущих экспертов.

Он занял своё место — кресло с гербом Гильдии Мира,

расположенное между креслами учёных и торговцев. Напротив него уже сидел Степан Ильич, глава Гильдии Инженеров, с вечно нахмуренным лицом и планшетом в руках, на котором он что-то быстро набирал. Справа от Степана расположилась пожилая женщина в синем комбинезоне — глава Гильдии Учёных, профессор Елена Ветрова, с седыми волосами, собранными в пучок, и глубокими морщинами вокруг глаз. Слева от Максима сидел представитель Торговцев, грузный мужчина с красным лицом по имени Аркадий, который всегда нервничал, когда речь заходила о ресурсах.

Военное кресло пустовало. Маршал Соколов опаздывал, что было на него не похоже.

— Он задерживается, — заметил Степан, не поднимая глаз от планшета. — Неудивительно. Сегодня утром он получил новые данные с постов наблюдения. Кадуганский флот уже вышел из порта.

— Мы знаем, — ответил Максим. — Я слышал новости.

— Тогда вы знаете, что мы на грани войны, — сказал Степан, поднимая глаза. — И что нам нужно принимать решения.

— Решения можно принимать только вместе, — ответил Максим. — Мы не можем действовать в одиночку.

— Мы не действуем в одиночку, — вмешалась профессор Ветрова, поправляя очки. — Мы действуем как Совет. Но Совет не может принимать решения, если его члены спорят между собой.

В этот момент дверь зала открылась, и вошёл маршал Соколов. Он был высоким, сухопарым, с седыми усами и тяжёлым, изучающим взглядом. Военная форма сидела на нём безупречно, а на груди поблёскивали старые награды — память о боях, которые он пережил. Он сел в своё кресло, и все замолчали.

— Я опоздал, — сказал он без извинений. — У меня были дела. Важные дела.

— Мы все знаем, какие, — ответил Степан. — Флот Кадугана. Сколько кораблей?

— Сорок, — ответил маршал. — Тридцать семь истребителей и три тяжёлых фрегата. Они движутся к нейтральной полосе. Если они пересекут её, у нас будет меньше трёх часов, чтобы подготовиться.

— Три часа, — повторил Аркадий, представитель Торговцев, и его лицо побледнело. — Три часа — это ничего.

— Это больше, чем у нас было в прошлый раз, — сказал маршал. — Но мы должны быть готовы к худшему.

Максим поднял руку.

— Я предлагаю не спешить с выводами. Мы должны попытаться начать переговоры.

Маршал усмехнулся — коротко, без тени юмора.

— Переговоры? Ты предлагаешь нам говорить с теми, кто уже направил на нас оружие?

— Я предлагаю нам не закрывать глаза на возможность мира, — ответил Максим. — У нас нет ресурсов для войны.

Мы не можем себе позволить потерять даже один корабль.

— Мы не можем позволить себе потерять город, — сказал маршал. — А если мы будем медлить, мы теряем его.

Начался спор — долгий, утомительный, с повторяющимися аргументами. Маршал требовал немедленной мобилизации. Степан говорил о необходимости укрепить оборону, но сомневался в ресурсах. Профессор Ветрова предлагала эвакуировать часть населения. Максим настаивал на переговорах.

Через час они всё ещё не пришли к согласию.

Максим смотрел на лица собравшихся и понимал: они боятся. Каждый боится по-своему. Маршал боится, что город падёт. Степан боится, что не справится с нагрузкой. Профессор боится потерять свои исследования. Аркадий боится, что Торговцы потеряют всё, что построили. И он сам боится — боится, что они не смогут принять решение, когда оно будет нужно.

— Мы голосуем, — сказал маршал, когда дискуссия зашла в тупик. — За мобилизацию. Кто за?

Поднялись руки Соколова и Степана. Максим, Ветрова и Аркадий остались сидеть.

— Против, — сказал Максим. — Мы должны подождать. Хотя бы сутки.

— Сутки — это слишком много, — ответил маршал. — Но я даю вам двенадцать часов. Если через двенадцать часов мы не решим, я начну мобилизацию без вашего согласия.

Он поднялся и вышел из зала. Степан последовал за ним. Максим остался сидеть, глядя на пустые кресла. Внутри него боролись страх и надежда. Он знал, что время уходит, но он также знал, что война — это не выход.

Он поднялся и направился к выходу. У дверей его остановила профессор Ветрова.

— Максим, — сказала она тихо, — я знаю, что ты хочешь мира. Но иногда мир требует жертв. Я надеюсь, ты готов к ним.

— Я готов к тому, что нужно, — ответил он. — Я готов сделать всё, чтобы спасти этот город.

И он вышел в коридор, где его уже ждал Дмитрий.

Максим вышел из зала заседаний, чувствуя, как тяжесть только что прошедшего спора всё ещё давит на плечи. Спор ни к чему не привёл. Двенадцать часов, которые дал маршал, — это был не срок для раздумий, а ультиматум. Через двенадцать часов они либо начнут войну, либо попытаются остановить её. И он знал, что большинство будет за войну.

В коридоре его ждал Дмитрий Орлов. Друг стоял, прислонившись к стене, и хмуро смотрел на проходящих мимо людей. Его лицо было напряжённым, а руки сжаты в кулаки — он явно слышал большую часть того, что происходило в зале. Глаза Дмитрия, обычно весёлые и озорные, сейчас были серьёзными, почти суровыми.

— Я слышал голоса, — сказал Дмитрий, когда Максим приблизился. — Маршал рвал и метал. Он говорил о моби-

лизации.

— Он дал нам двенадцать часов, — ответил Максим. — После этого он начнёт действовать без нашего согласия.

— Двенадцать часов, — повторил Дмитрий с усмешкой. — Много. Мы можем успеть выпить чаю и обсудить план побега.

— Мы не будем бежать, — твёрдо сказал Максим. — Мы найдём решение.

Они направились по коридору в сторону малого зала заседаний, где собирались на более узкие совещания Гильдия Мира и Гильдия Учёных. По пути Максим заметил, как Дмитрий оглядывается по сторонам, словно ожидая, что из-за угла выскочит маршал с приказом об аресте.

— Ты слишком нервничаешь, — сказал Максим.

— Я слишком нервничаю? — переспросил Дмитрий. — Мы на грани войны, Макс. Флот Кадугана уже в пути. А мы сидим и спорим о том, нужно ли воевать. Это безумие.

— Безумие — воевать без причины, — ответил Максим. — У нас нет ресурсов. У нас нет сил. Если мы вяжемся в войну, мы можем потерять всё.

Они вошли в малый зал — небольшое помещение с круглым столом, где уже сидели несколько человек. Среди них была профессор Елена Ветрова, глава Гильдии Учёных, и двое её коллег — молодые учёные в синих комбинезонах. На столе были разложены голографические карты и схемы, а в центре — модель распределения Венерита на ближайшие

полгода.

— Максим, хорошо, что ты пришёл, — сказала профессор Ветрова, поднимая голову. — У нас есть проблема.

— Проблем больше, чем одна, — ответил Максим, садясь. — Но давайте начнём с ресурсов.

Профессор коснулась карты, и она увеличилась, показывая схему Белграда с обозначенными складами и рудниками. Красным цветом были отмечены зоны, где запасы Венерита подходили к концу.

— Мы проанализировали текущие запасы, — начала она. — Если мы продолжим тратить Венерит в том же темпе, через шесть месяцев мы останемся без металла для ремонта внешней обшивки. Ещё через три месяца — без металла для жизненно важных систем. Это не просто проблема — это катастрофа.

— Что мы можем сделать? — спросил Максим.

— Есть несколько вариантов, — ответила профессор. — Первый — сократить расходы на исследовательские проекты и направить металл на укрепление внешнего пояса. Это даст нам дополнительный год, но остановит развитие.

— Второй вариант? — спросил Дмитрий.

— Второй — попытаться найти новые источники Венерита, — сказала она. — Но это рискованно и требует времени. У нас нет времени.

Максим смотрел на карту, на красные зоны, которые разрастались, словно болезнь. Он знал, что Степан Ильич, гла-

ва Инженеров, настаивает на сокращении исследовательских расходов. Он требовал направить Венерит на укрепление обороны, на строительство новых кораблей, на усиление защиты. И он был не один.

— А что мы можем сделать, чтобы добыть новый Венерит? — спросил Максим.

— Мы можем организовать экспедицию на поверхность, — сказала профессор. — К старым шахтам, которые не разрабатывались много лет. Но это опасно. Поверхность — это ад. Мы потеряем людей.

— Мы теряем людей каждый день, — сказал Максим. — От голода, болезней, нехватки кислорода. Если мы не найдём выход, мы потеряем всех.

В комнате повисла тишина. Все смотрели на карту, на красные зоны, и никто не знал, что сказать.

— У нас есть двенадцать часов, — напомнил Дмитрий. — Мы должны решить.

Максим поднял голову и встретил взгляды собравшихся. Он знал, что они ждут от него решения. Он был дипломатом. Он должен был найти компромисс.

— Мы отправим экспедицию на поверхность, — сказал он. — И мы сократим исследовательские проекты ровно настолько, чтобы поддержать оборону. Но мы не остановим развитие. Мы не можем позволить себе остановиться.

Профессор Ветрова кивнула, хотя на её лице была тревога.

— Я подготовлю план экспедиции. Но нам нужно одобрение Совета.

— Я добьюсь его, — сказал Максим. — Даже если для этого мне придётся спорить с маршалом до последнего.

Он поднялся и направился к выходу. На пороге он обернулся и посмотрел на карту, которая была для них и надеждой, и предупреждением.

— Мы справимся, — сказал он. — Мы должны.

И он вышел в коридор, где его снова ждал Дмитрий.

— Ты действительно веришь, что мы справимся? — спросил Друг.

— Я верю, — ответил Максим. — Потому что, если я перестану верить, мне не останется ничего.

Они пошли по коридору, и за их спинами оставалась карта с красными зонами, которая напоминала о том, что каждый день — это борьба за выживание.

Глава 3. Прогулка по городу

Максим вышел из административного комплекса и направился вниз, в жилые сектора третьего яруса. Разговор с профессором Ветровой оставил в нём смешанные чувства — надежду, что они ещё могут найти выход, и страх, что времени осталось слишком мало. Он шёл по переходным коридорам, и каждый шаг отдавался в груди глухой, ноющей болью.

Вокруг него текла обычная жизнь Белграда. Люди спешили по своим делам, их лица были сосредоточенными, но не испуганными — пока не испуганными. Они ещё не знали, что флот Кадугана уже движется к нейтральной полосе. Они ещё не знали, что через несколько часов маршал может объ-

явить мобилизацию. Они жили своей жизнью, веря, что Совет защитит их.

Максим остановился у витрины небольшой мастерской, где старый ремесленник чинил металлические детали. Его руки были покрыты шрамами и мозолями, но двигались с удивительной точностью. Он поднял голову, узнал Максима и кивнул — коротко, без лишних слов. Они знали друг друга много лет. Ремесленник, как и многие в Белграде, верил в Гильдию Мира. Он верил, что дипломаты найдут выход.

Максим кивнул в ответ и пошёл дальше. Он прошёл мимо небольшой пекарни, из которой доносился запах свежего хлеба — редкая роскошь в городе, где каждый кусок еды был на счету. За стеклом он увидел женщину, которая выкладывала на прилавок буханки. Она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Эти маленькие моменты напоминали ему, зачем он делает всё это. Не ради власти, не ради славы. Ради них. Ради этих людей, которые просыпаются каждое утро и идут на работу, веря, что завтра будет лучше.

Он свернул в боковой коридор, который вёл к небольшому парку, где любили собираться дети. Сегодня там было тихо — только несколько матерей с колясками сидели на скамейках и тихо разговаривали. Искусственные деревья отбрасывали длинные тени на металлический пол, и Максиму показалось, что на мгновение он перенёсся в другой мир, где нет войны и голода.

Но иллюзия длилась недолго. На соседней скамейке он за-

метил старика, который смотрел в одну точку, не двигаясь. Его лицо было измождённым, а глаза — пустыми, словно он видел что-то, чего не видели другие. Максим подошёл к нему и сел рядом.

— Добрый день, — сказал он.

Старик не ответил. Он продолжал смотреть вперёд, на искусственные деревья, которые качались под слабым потоком воздуха. Потом медленно повернул голову и посмотрел на Максима.

— Ты знаешь, что такое война? — спросил он. Голос его был низким, хриплым, словно он давно не говорил.

— Я знаю, — ответил Максим. — Мой отец погиб на войне.

Старик кивнул.

— Я тоже потерял сына. Он был пилотом. Сбит в последней атаке Кадугана. Ему было двадцать два.

Он замолчал на мгновение, и Максим увидел, как дрогнули его пальцы, лежащие на коленях.

— Ты хочешь остановить войну? — спросил старик.

— Да, — ответил Максим. — Я хочу остановить её.

— Тогда не дай им победить, — сказал старик. — Не дай им забрать ещё одного сына.

Он поднялся и медленно пошёл прочь, оставляя Максима одного на скамейке.

Максим сидел и смотрел в пустоту, чувствуя, как слова старика отдаются в его сердце. Он думал о том, сколько ещё

таких отцов сидят на скамейках и вспоминают своих погибших детей. Сколько ещё матерей ждут новостей с фронта. Сколько ещё детей вырастут без отцов.

Он поднялся и пошёл дальше. Ему нужно было найти Дмитрия — друг обещал ждать его в кафе на третьем ярусе, где они часто встречались, чтобы обсудить насущные дела. Кафе было маленьким, с несколькими столиками и тусклым освещением — одно из немногих мест, где можно было выпить настоящий чай, а не синтетическую смесь.

Дмитрий уже сидел за столиком в углу, сжимая в руках кружку с тёмной жидкостью. На его лице была усталость, которую он не пытался скрывать.

— Ты долго, — сказал он, когда Максим сел напротив. — Я уже начал думать, что маршал тебя арестовал.

— Он не арестовал, — ответил Максим. — Но он дал нам срок. Двенадцать часов.

— Двенадцать часов, — повторил Дмитрий. — И что ты собираешься делать?

— Я собираюсь найти способ остановить войну, — сказал Максим. — Даже если для этого мне придётся рискнуть всем.

Дмитрий поставил кружку на стол и посмотрел на друга долгим взглядом.

— Ты знаешь, что я пойду с тобой, — сказал он. — Куда угодно.

— Я знаю, — ответил Максим. — Поэтому я хочу попро-

силь тебя об одной вещи.

— О чём?

— Если я не вернусь, — сказал Максим, — позаботься о моей матери.

Дмитрий нахмурился.

— Ты не должен говорить так.

— Я должен быть готов ко всему, — ответил Максим. — Как мой отец.

Они замолчали. В кафе было тихо, только слышно было, как шипит система вентиляции за стеной. Максим смотрел на кружку в своих руках и чувствовал, как время утекает сквозь пальцы.

— Мы найдём решение, — сказал Дмитрий наконец. — Мы всегда находили.

— Надеюсь, — ответил Максим. — Очень надеюсь.

Он сделал глоток чая, чувствуя, как тепло разливается по телу. Но внутри него оставался холод — страх перед тем, что грядёт. Страх перед войной. Страх перед неизбежным.

И он знал, что должен преодолеть этот страх. Ради своего города. Ради своей матери. Ради всех, кто верил в мир.

Он поднялся и положил руку на плечо друга.

— Пойдём, — сказал он. — Нам нужно многое успеть.

Они вышли из кафе и направились в сторону архивов, где, возможно, хранились ответы на вопросы, которые мучили их.

Максим и Дмитрий вышли из кафе и направились по пе-

реходному коридору, который вёл в сторону архивов. Но вместо того, чтобы идти прямо, они свернули в небольшой боковой проход, где было тихо и почти безлюдно. Здесь, за поворотом, находилась маленькая смотровая площадка, с которой открывался вид на внешнюю стену кольца — серую, матовую, покрытую многолетними следами кислотных осадков. Смотровая была их тайным местом ещё с детства, куда они приходили, когда хотели побыть вдвоём.

Дмитрий остановился у перил и посмотрел на стену, за которой начинались облака. Максим встал рядом, чувствуя, как холодный воздух обдувает лицо — здесь, ближе к внешней обшивке, системы климат-контроля работали не так эффективно.

— Ты всё ещё думаешь о том, что сказал маршал? — спросил Дмитрий, не оборачиваясь.

— Я всегда думаю о том, что говорит маршал, — ответил Максим. — Это моя работа.

— Твоя работа — думать, а моя — летать, — усмехнулся Дмитрий. — Но сейчас мне кажется, что наши роли поменялись. Я начинаю думать, а ты начинаешь летать.

Максим посмотрел на друга. В его голосе была горечь, которую он редко показывал. Дмитрий всегда был тем, кто поднимал настроение, кто находил повод для улыбки даже в самые тёмные времена. Но сейчас он выглядел уставшим и встревоженным — так же, как и сам Максим.

— Расскажи мне о разведданных, — попросил Максим.

— Что ты узнал?

Дмитрий повернулся к нему и опёрся спиной о перила.

— То, что я уже говорил. Кадуган наращивает флот. У них не просто сорок кораблей — у них сорок кораблей с новым вооружением. Они модернизировали орудия и улучшили системы наведения. Мы перехватили их тренировочные сигналы — они тренируются на маневрах, которые явно направлены против нас.

— Откуда у них ресурсы на модернизацию? — спросил Максим. — Они же тоже страдают от нехватки Венерита.

— Они нашли новые источники, — ответил Дмитрий. — Мы думаем, что они открыли старые шахты на поверхности. Рискованные, но богатые. Они вкладывают всё в вооружение.

Максим почувствовал, как внутри похолодело. Если Кадуган действительно нашёл новые источники Венерита, это меняло всё. Они могли позволить себе строить больше кораблей, больше оружия. Они могли позволить себе войну.

— Мы должны узнать, где эти шахты, — сказал он. — Это может быть ключом к их остановке.

— Я уже отправил разведчиков, — ответил Дмитрий. — Но это опасно. Поверхность — это смерть. Мы можем потерять людей, не получив никакой информации.

— Мы теряем людей каждый день, — сказал Максим. — Если мы не узнаем правду, мы потеряем всех.

Дмитрий кивнул, но не ответил. Он снова посмотрел на

внешнюю стену, и на его лице появилось задумчивое выражение.

— Помнишь, как мы были детьми? — спросил он вдруг. Максим удивился смене темы, но кивнул.

— Конечно, помню. Мы бегали по нижним ярусам и мечтали, что когда-нибудь увидим небо.

— Настоящее небо, — добавил Дмитрий. — Мы тогда думали, что облака внизу — это просто туман. Мы не знали, что это кислота. Мы думали, что там, внизу, есть земля.

— Мы были глупыми детьми, — сказал Максим с улыбкой.

— Мы были наивными, — поправил Дмитрий. — Мы верили, что мир может быть лучше. Что мы сможем изменить его.

Он повернулся к Максиму, и в его глазах появилась та же решимость, что была у Максима.

— Мы изменили его, — сказал он. — Мы стали дипломатами. Мы пытаемся остановить войну. Но иногда мне кажется, что мы не изменили мир. Мы просто стали старше.

— Ты ошибаешься, — ответил Максим. — Мы изменили мир. Мы дали людям надежду. Даже если эта надежда хрупкая, она есть.

— Надежда, — повторил Дмитрий. — Это всё, что у нас есть. И иногда мне кажется, что этого недостаточно.

— Тогда мы сделаем так, чтобы хватило, — сказал Максим. — Мы найдём способ.

Они замолчали, глядя на серую стену, за которой простирались облака. В этом молчании было что-то успокаивающее — осознание того, что они не одни, что у них есть друг, на которого можно положиться.

— Я пойду с тобой, куда бы ты ни пошёл, — сказал Дмитрий наконец. — Ты знаешь это.

— Я знаю, — ответил Максим. — Поэтому я прошу тебя быть готовым. Готовым ко всему.

— Я готов, — сказал Дмитрий. — Мы справимся.

Они повернулись и пошли обратно, в сторону архивов. За их спинами оставалась смотровая площадка, где они когда-то мечтали о мире, и где сейчас они готовились к битве за этот мир.

— Помнишь нашу учительницу в академии? — спросил Дмитрий, когда они проходили по коридору. — Она говорила, что дипломатия — это искусство слушать.

— Я помню, — ответил Максим. — И я слушаю. Но иногда нужно не только слушать. Иногда нужно говорить.

— И что ты скажешь маршалу? — спросил Дмитрий. — Когда он снова потребует войны?

Максим остановился и посмотрел на друга.

— Я скажу ему, что есть другой путь. Что мы можем остановить войну, не проливая кровь.

— Ты веришь в это?

— Я верю, — ответил Максим. — Потому что, если я перестану верить, я стану таким же, как он.

Дмитрий улыбнулся — впервые за этот день.

— Тогда идём, — сказал он. — Покажем им, что мы не сдаёмся.

Они пошли дальше, и их шаги эхом разносились по пустым коридорам Белграда.

Глава 4. Архив истории

Максим и Дмитрий прошли по длинному переходному коридору, который соединял административный сектор с центральным архивом Белграда. С каждым шагом воздух становился прохладнее и суше — системы климат-контроля здесь работали иначе, чем в жилых секторах, поддерживая особый микроклимат, необходимый для сохранения древних документов и записей. Стены постепенно светлели, покрываясь панелями из светлого металла, на которых виднелись старые гербы и символы — наследие тех, кто строил этот город триста лет назад.

Архив располагался на самом нижнем уровне админи-

стративного яруса, почти у самой внешней стены кольца. Это было огромное помещение, разделённое на бесчисленные секции, где хранились миллионы записей — бумажных, голографических, цифровых. Здесь, в тишине и полумраке, лежала история Белграда. История Венеры. История того, как люди выжили.

У входа их встретила невысокая женщина лет пятидесяти с пронизательными серыми глазами и седыми волосами, собранными в аккуратный пучок. Она была одета в простой тёмный костюм, поверх которого висела бейджик с надписью «Ирина Волкова, главный архивариус». Максим знал её много лет — она была хранительницей знаний, человеком, который знал о Белграде больше, чем кто-либо другой.

— Максим, Дмитрий, — сказала она, приветственно кивая. — Я знала, что вы придёте. Слухи о Кадугане уже дошли до меня.

— Мы ищем ответы, — сказал Максим. — Ответы на вопросы, которые могут помочь нам остановить войну.

Ирина слегка улыбнулась — усталой, понимающей улыбкой.

— Вы всегда ищете ответы. Это хорошо. Но иногда ответы находятся не там, где вы их ищете. Идите за мной.

Она развернулась и повела их через лабиринт стеллажей и полок, мимо рядов голографических проекторов и старых бумажных свитков, которые хранились в герметичных контейнерах. Воздух здесь пах старым металлом, пылью и вре-

менем. Здесь, среди тысяч записей, можно было почувствовать, как много поколений прошло через эти стены, как много людей искали ответы на те же вопросы, что и они.

Ирина остановилась у массивной металлической двери с гербом Гильдии Учёных. Она приложила ладонь к сенсорной панели, и дверь открылась с тихим шипением, пропуская их в небольшую комнату, заставленную старыми терминалами и голографическими проекторами.

— Это комната древних записей, — сказала Ирина. — Здесь хранятся документы первых десятилетий после катастрофы. Именно здесь вы найдёте ответы на свои вопросы.

Она подошла к одному из терминалов и коснулась экрана. Над столом засветилась голограмма — карта старой Венеры, той, что была триста лет назад. Океаны, континенты, зелёные леса. Мир, которого больше не существовало.

— Это то, что мы потеряли, — сказала Ирина. — Но это также то, что мы можем вернуть. Если захотим.

Максим смотрел на голограмму, и сердце его сжималось от тоски по тому, чего он никогда не видел. Он знал, что на карте были океаны, которые теперь кипели от жара, леса, которые превратились в пепел, и города, которые исчезли навсегда. Но он также знал, что люди, которые жили тогда, сделали всё, чтобы спасти хотя бы часть своего мира.

— Расскажи мне о Венерите, — попросил он. — О том, как он был создан.

Ирина кивнула и вызвала другую голограмму — модель

кристаллической структуры металла, которая вращалась перед ними.

— Венерит — это обычный металл, — начала она. — Он не магический, не обладает особыми свойствами, кроме одного: он не ржавеет, не окисляется и не разрушается под воздействием кислот и высоких температур. Это делает его идеальным материалом для строительства городов-аэростатов.

— Как он был создан? — спросил Дмитрий, подходя ближе.

— Он был найден, — поправила Ирина. — Создала его природа — в недрах Венеры, глубоко под поверхностью. Когда планета начала нагреваться, люди начали искать материал, который выдержал бы адские условия. Они нашли Венерит в древних шахтах, которые были заброшены задолго до катастрофы. Они использовали его, чтобы построить первые города-аэростаты.

Она повернулась к ним и продолжила:

— Венерит был ключом к выживанию. Но он был и остаётся только металлом. Он не может дать нам еду, воду или воздух. Он даёт нам только защиту. И эта защита становится всё тоньше.

— Мы знаем, — сказал Максим. — Мы знаем, что ресурсы иссякают. Мы ищем выход.

— Выход есть, — сказала Ирина. — Но он требует времени и смелости. Вы должны понять, что война — это не выход. Она только ускорит гибель.

Она коснулась экрана, и голограмма сменилась, показывая схему первого города-аэростата — того, что стал прообразом всех остальных.

— Это «Ковчег», — сказала она. — Первый город, построенный на Венерите. Он просуществовал всего сорок лет, но его конструкция стала основой для всех последующих городов. Каждый из вас живёт в доме, построенном на фундаменте «Ковчега».

Максим смотрел на схему и думал о том, как много людей отдали свои жизни, чтобы построить этот мир. Как много матерей и отцов работали в шахтах, поднимая Венерит на поверхность, рискуя быть сожжёнными или раздавленными. Как много детей выросли в тени этих стен, не зная другого мира.

— Мы должны сохранить это, — сказал он. — Мы должны сохранить всё это.

— Тогда найдите способ остановить войну, — ответила Ирина. — Это единственный способ сохранить город и будущее.

Она выключила голограмму и повернулась к ним.

— У меня есть ещё кое-что, что может вам помочь. Записи о Кадугане. О том, как они строили свой город.

Максим и Дмитрий переглянулись.

— Мы слушаем, — сказал Максим.

Ирина вызвала новую голограмму — карту, на которой был изображён Кадуган. Город-копье с его острыми шпиля-

ми и бронированными платформами. Он выглядел устрашающе и одновременно — знакомо.

— Кадуган был построен позже Белграда, — сказала она. — Его строители использовали те же технологии, но с одной целью — защита. Они не строили парки, не создавали оранжереи. Они строили крепость, где каждый метр был подчинён военной необходимости. Но их ресурсы не бесконечны. Они тоже страдают от нехватки Венерита. И это может быть их слабостью.

— Мы знаем, — сказал Максим. — Мы думаем, что они нашли новые шахты на поверхности.

— Тогда вы должны узнать, где эти шахты, — сказала Ирина. — Это может быть вашим шансом.

Она протянула им небольшой кристалл с данными.

— Здесь всё, что мы знаем о Кадугане. Возможно, это поможет вам найти путь к миру.

Максим взял кристалл и сжал его в ладони.

— Спасибо, Ирина. Ты помогаешь нам больше, чем знаешь.

— Я помогаю Белграду, — ответила она. — Как и все мы.

Она проводила их к выходу из архива, и на прощание сказала:

— Берегите себя. Мир нуждается в таких людях, как вы.

Максим и Дмитрий вышли в коридор, и дверь за ними закрылась. Они стояли в тишине, и в руках Максима был кристалл с ключом к возможному миру.

— Что дальше? — спросил Дмитрий.

— Мы изучим эти данные, — ответил Максим. — И найдём способ остановить войну.

Они пошли по коридору, и за их спинами оставался архив — хранилище знаний, которые могли спасти их всех.

Максим и Дмитрий уже направились к выходу из архива, когда голос Ирины остановил их:

— Пойдите. Я должна показать вам кое-что ещё.

Они обернулись. Ирина стояла у терминала, и её лицо было бледнее обычного. Она казалась старше, словно прикосновение к этим записям отняло у неё часть сил.

— Что это? — спросил Максим, возвращаясь.

— То, что редко показывают даже членам Совета, — ответила она тихо. — Истинную историю того, как мы выжили.

Она коснулась экрана, и голограмма погасла, уступая место новому изображению — старой, потрескавшейся записи, снятой, судя по качеству, более трёхсот лет назад. На ней был запечатлён город — не аэростат, а наземный, с зелёными улицами и высокими зданиями, утопающими в солнечном свете. Настоящем солнечном свете.

— Это Венера до катастрофы, — сказала Ирина. — Здесь жили наши предки. Их было почти миллиард.

Максим смотрел на экран, не в силах оторвать взгляд. Он никогда не видел таких изображений — только на редких голограммах, которые показывали в школах. Но здесь было что-то другое. Эта запись была живой, настоящей. Он видел,

как люди ходят по улицам, как дети смеются, как ветер колышет листья деревьев. Это был мир, которого больше не существовало.

— Что случилось? — спросил Дмитрий, и голос его сорвался.

— То, что мы называем «Великим Нагревом», — ответила Ирина. — Это началось постепенно. Сначала учёные заметили, что средняя температура планеты растёт быстрее, чем прогнозировалось. Потом океаны начали испаряться. Леса горели. Люди умирали от жары и нехватки воды. За десять лет население сократилось вдвое.

Она переключила запись, и на экране появились новые кадры — люди, строящие огромные конструкции. Они работали в тяжелейших условиях, в защитных костюмах, под палящим солнцем. Их лица были измождёнными, но глаза горели решимостью.

— Это строительство первых аэростатов, — сказала Ирина. — Они знали, что не смогут спасти всех. Они знали, что большинство людей погибнут. Но они решили, что хотя бы часть человечества выживет. Они построили двадцать городов-аэростатов за десять лет. Это было чудо инженерии и отчаяния.

Максим смотрел, как люди поднимают в небо огромные металлические кольца, как они закрепляют Венерит на внешней обшивке, как они строят системы жизнеобеспечения. Он видел, как они падают с высоты, срываясь с лесов,

как их тела исчезают в облаках. Он видел, как матери отдают своих детей, чтобы те могли занять место на последних кораблях, поднимающих людей в небо.

— Сколько людей выжило? — спросил он, чувствуя, как горло сжимается.

— Меньше двухсот миллионов, — ответила Ирина. — Остальные восемьсот миллионов погибли. На поверхности, в городах, которые не успели эвакуировать, в толпе, которая штурмовала посадочные платформы. Первый год после катастрофы был самым страшным.

Она вызвала новую голограмму — график, который показывал падение населения. Линия шла резко вниз, достигая критической отметки, затем медленно стабилизировалась.

— Следующие пятьдесят лет мы жили в состоянии постоянного кризиса. Болезни, голод, нехватка воздуха. Мы потеряли ещё половину населения. Но мы выжили. Мы научились жить в небе.

— А города? — спросил Дмитрий. — Что случилось с остальными городами?

— Войны, — сказала Ирина. — Когда ресурсы стали иссякать, города начали бороться за выживание. Некоторые были уничтожены. Другие упали на поверхность. Третьи исчезли бесследно. Сейчас осталось только двенадцать городов. И мы не знаем, сколько ещё просуществуют.

Она выключила голограмму и повернулась к ним. Её глаза были влажными, но она держалась с достоинством.

— Я показываю вам это не для того, чтобы напугать. Я показываю это, чтобы вы поняли: у нас нет права на ошибку. Мы — последние. Если мы не найдём способ остановить войну, мы потеряем всё, за что боролись наши предки.

Максим стоял, переваривая увиденное. Тысячи лет истории, миллионы жизней, которые были принесены в жертву ради того, чтобы он мог стоять здесь, дышать, думать. И он знал, что не может позволить этому закончиться.

— Я не подведу их, — сказал он. — Я не позволю этому миру погибнуть.

Ирина кивнула.

— Я знаю, Максим. Поэтому я показала тебе это. Ты должен знать, за что борешься.

Она протянула ему ещё один кристалл — маленький, прозрачный, с едва заметным мерцанием.

— Здесь всё, что мы знаем о Кадугане. Их история, их ресурсы, их слабости. Это может помочь тебе в переговорах.

Максим взял кристалл и сжал его в ладони.

— Спасибо, Ирина. Мы не забудем этого.

Она улыбнулась — той же усталой, понимающей улыбкой, что и прежде.

— Идите. Время не ждёт.

Они вышли из архива, и за их спинами закрылась массивная металлическая дверь. Они стояли в коридоре, чувствуя, как тяжесть истории давит на плечи.

— Теперь ты понимаешь, почему я не могу сдать? —

спросил Максим.

— Понимаю, — ответил Дмитрий. — Мы не сдадимся.

— Тогда пошли, — сказал Максим. — У нас есть двенадцать часов, чтобы спасти мир.

Они пошли по коридору, и в руках Максима был кристалл с историей, которая не должна была повториться.

Глава 5. Память об отце

Максим и Дмитрий вышли из архивного крыла и направились через центральный переходный коридор, ведущий к жилым секторам. Солнечные панели на потолке уже набрали полную яркость, имитируя полдень, и город жил своей обычной жизнью — люди спешили на работу, дети бежали в школы, старики сидели на скамейках в искусственных парках. Но Максим не замечал этого. Его мысли были далеко — там, где триста лет назад люди строили этот город, где они умирали, чтобы он мог жить. И там, где его отец сделал свой последний выбор.

Они подошли к жилому сектору, и Максим остановился у двери своей квартиры. Дмитрий положил руку ему на плечо.

— Ты как? — спросил он. — Нормально?

— Я в порядке, — ответил Максим, хотя голос его звучал глухо. — Мне просто нужно побыть одному. Встретимся через час у «Стрельца».

Дмитрий кивнул, хотя в его глазах была тревога.

— Если что — звони.

— Обязательно.

Максим вошёл в квартиру и закрыл за собой дверь. Внутри было тихо и пусто — мать всё ещё была в оранжереях. Он прошёл в свою комнату, сел на край кровати и опустил голову на руки. Перед его глазами снова возникли кадры из ар-

хива — старые записи, лица людей, которые умирали, строя этот город. И среди них — лицо его отца.

Он подошёл к старому металлическому шкафу в углу комнаты, который стоял там столько, сколько он себя помнил. Отец называл его «капсулой времени». Внутри лежали вещи, которые мать бережно хранила все эти годы: старые фотографии, документы, личные вещи отца. Максим открыл дверцу и достал небольшую коробку, покрытую тонким слоем пыли. Внутри лежал коммуникатор — старый, с потрескавшимся экраном, который когда-то принадлежал его отцу.

Максим провёл пальцем по поверхности, чувствуя, как холодный металл отдаётся в пальцах. Он помнил этот коммуникатор — отец всегда носил его с собой. Когда он уходил на переговоры в Кадуган, он взял его с собой. А когда его тело вернулось в Белград, коммуникатор был единственным, что осталось от него целым. Внутри, если верить матери, было последнее сообщение, которое отец так и не отправил.

Максим нажал на кнопку, и экран засветился тусклым голубоватым светом. На нём была одна-единственная запись — голосовое сообщение. Он нажал воспроизведение, и голос отца раздался в тишине комнаты — тихий, усталый, но тёплый, каким он его помнил.

«Максим, сынок. Если ты слышишь это, значит, я не вернулся. Я хочу, чтобы ты знал: я не жалею о своём решении. Я пошёл на переговоры, потому что верю, что даже наши враги могут стать друзьями. Я не знаю, получится ли у меня,

но я должен попытаться. Ради тебя. Ради твоей матери. Ради всех, кто верит в мир. Береги маму. Береги свой город. И никогда не сдавайся. Я люблю тебя, сынок».

Голос замолк, и в комнате снова стало тихо. Максим сидел, сжимая коммуникатор в руках, и чувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он не плакал много лет — не с того дня, когда мать сказала ему, что отец не вернётся. Он держал всё в себе, и теперь этот голос сломал плотину.

Он не сдерживался. Слёзы текли по щекам, и он позволил им течь. Он думал об отце — о том, как он улыбался, когда Максим был маленьким, о том, как он держал его на плечах на праздновании Основания, о том, как он говорил, что мир — это не слабость, а сила. Он думал о том, как отец ушёл и не вернулся. Как мать сидела у окна и смотрела в облака три дня. Как она встала и сказала: «Мы будем жить за него».

Максим поднял голову и посмотрел на свою комнату. Всё здесь напоминало об отце — старая книга, которая лежала на полке, его любимая кружка, которую мать так и не выбросила. Он чувствовал его присутствие, его поддержку. Он знал, что отец был с ним.

— Я не подведу тебя, — сказал он тихо, обращаясь к пустоте. — Я сделаю всё, чтобы остановить войну. Я обещаю.

Он убрал коммуникатор обратно в коробку и закрыл шкаф. Когда он повернулся, он увидел, что в дверях стояла мать. Она смотрела на него с той же любовью, что и всегда, и в её глазах были слёзы.

— Ты слышал его, — сказала она. — Я знала, что ты найдёшь его.

Максим подошёл к ней и обнял её.

— Я не подведу его, мама. Я не подведу тебя.

Она прижалась к нему, и они стояли так, в тишине, в этом маленьком доме, который хранил память о человеке, который пытался остановить войну.

— Я знаю, — сказала она. — Ты не подведёшь. Ты — мой сын. Ты — его сын. И вы оба — лучшие люди, которых я знаю.

Она отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Иди, — сказала она. — Сделай то, что должен. Мы всегда будем с тобой.

Максим кивнул, чувствуя, как внутри него зажигается огонь — тот самый огонь, который горел в сердце его отца. Он вышел из квартиры и направился к ангару, где его ждал Дмитрий и где начиналась его миссия.

Ночь в Белграде наступала постепенно. Искусственные светодиодные панели медленно гасли, уступая место мягкому голубоватому свечению, имитирующему лунный свет. Внутри города воцарялась тишина — та особенная тишина, которая всегда наступала перед важными событиями. Или перед бурей.

Максим лежал на кровати в своей маленькой комнате, глядя в потолок, покрытый тёплыми тенями. Сон не шёл. Мысли крутились в голове, как белки в колесе, не давая покоя. Он снова и снова прокручивал события сегодняшнего дня: спор с маршалом, записи Ирины, голос отца. И перед глазами стоял образ Кадугана — города-копья, который угрожал уничтожить всё, что он любил.

Он встал с кровати и подошёл к окну. За стеклом про-

стирался ночной Белград — огни города мерцали в темноте, а далеко внизу, за пределами внешней обшивки, клубились жёлто-серые облака. Там, за этими облаками, находился Кадуган. Там жили люди, которые готовили войну.

Максим опёрся руками о подоконник и посмотрел на звёзды — или на то, что казалось звёздами. Свет, проходя через кислотные облака, искажался, и вместо привычного созвездия он видел лишь размытые точки. Но он знал, что звёзды были там, за слоем токсичной дымки. Звёзды были всегда.

— Что движет ими? — прошептал он в тишину. — Ненависть? Страх? Голод?

Он вспомнил слова отца, которые тот произнёс за день до своего последнего полёта. Максим был маленьким, но он запомнил каждое слово. Отец сидел на краю его кровати, держал его за руку и говорил мягко, почти шёпотом:

«Враг, Максим, — это не чудовище. Враг — это человек, который тоже боится. Он боится, что не выживет. Боится, что потеряет близких. Боится, что его не поймут. И когда люди боятся, они иногда делают ужасные вещи. Но это не значит, что они злые. Это значит, что они потеряли надежду».

Максим сжал кулаки. Он думал о людях Кадугана — о тех, кого он видел на «Молоте». Женщина с ребёнком в коридоре. Мальчик с корабликом. Они не были монстрами. Они были просто людьми, которые пытались выжить. Но их страх был обращён против Белграда. Их надежда угасла в тени генерала Хейворда.

— Что я могу сделать? — спросил он себя. — Как я могу вернуть им надежду?

Он повернулся к маленькому столику, где лежал кристалл с данными, которые дала ему Ирина, и кулон на цепочке — тот самый, который когда-то носил отец. Он взял кулон в руки, чувствуя его холодный вес. Металл не ржавел, не тускнел — он был таким же, как в день, когда отец надел его в последний раз.

Максим вспомнил, как мать дала ему этот кулон утром перед тем, как он ушёл на переговоры. Она сказала тогда: «Этот металл помнит нас. Даже когда нас не станет, он останется. И он будет напоминать о том, что мы жили». Теперь кулон был у него, и он чувствовал, как сила отца передаётся ему через этот маленький кусок Венерита.

— Я должен попытаться, — сказал он тихо. — Даже если это рискованно. Даже если я могу погибнуть. Я должен попытаться. Ради тебя, отец. Ради всех, кто верит в мир.

Он снова посмотрел в окно на облака, за которыми скрывался Кадуган. И в этот момент он понял, что его решение уже принято. Он полетит на переговоры — не из страха, не из отчаяния, а из надежды. Он полетит, чтобы показать людям Кадугана, что есть другой путь. Путь мира.

Он вернулся к кровати и лёг, но сон всё не шёл. Он думал о завтрашнем дне, о том, что скажет Совету, о том, что скажет маршалу. Он знал, что его ждёт борьба — не только с врагом, но и с собственным народом, который боялся и не

хотел слушать. Но он также знал, что если он сдастся сейчас, то предаст всё, во что верил.

Он закрыл глаза и попытался представить себе мир, в котором его дети не будут знать войны. Мир, где они смогут жить на поверхности, дышать настоящим воздухом, видеть настоящее солнце. Этот мир был далёким, как звёзды за облаками, но он был возможен.

— Мы построим его, — прошептал он. — Мы обязательно построим его.

За окном медленно начал разгораться искусственный расцвет — панели постепенно набирали яркость, и ночь отступала. Максим знал, что через несколько часов начнётся новый день — день, который может изменить всё.

Он поднялся, умылся и надел свою рабочую форму. В зеркале на него смотрел человек, который готов был рискнуть всем ради мира. Он вышел из комнаты, и в коридоре встретил мать. Она стояла с чашкой чая и смотрела на него с той же любовью и тревогой, что и всегда.

— Ты решил, — сказала она. Это не был вопрос.

— Я решил, — ответил он. — Я пойду к ним.

Она кивнула, и на её глазах блеснули слёзы.

— Ты — мой сын. И я горжусь тобой. Что бы ни случилось, помни: я люблю тебя.

Он обнял её, чувствуя, как тепло её тела передаётся ему, давая силы.

— Я люблю тебя, мама. Я вернусь.

Он вышел из квартиры и направился к ангару, где его уже ждал Дмитрий и новый день, который мог стать либо началом конца, либо концом начала.

Глава 6. Взгляд с той стороны

Кадуган просыпался не так, как Белград. Здесь не было мягкого золотистого света, который постепенно заполнял коридоры, имитируя рассвет. Вместо этого с первым сигналом сирены — резким, пронзительным — по всему городу загорались яркие белые лампы, заливая всё вокруг холодным, безжалостным светом. Никакого перехода, никакой нежности. Просто резкая смена тьмы на день.

Капитан Майкл Фокс стоял у окна своей небольшой каюты на верхнем уровне командного сектора и смотрел на город, раскинувшийся под ним. Кадуган был непохож на Бел-

град — он не был кольцом. Он был копьём. Огромный, вытянутый цилиндр, устремлённый вверх, в стратосферу, с многочисленными платформами и башнями, выступающими из его корпуса, как шипы. Город был построен для обороны — каждый его угол, каждый переход, каждая комната были подчинены одной цели: защите и нападению.

Архитектура Кадугана была угловатой, тёмной, почти агрессивной. Вместо парков и оранжерей — тренировочные полигоны и оружейные склады. Вместо школ — казармы. Вместо музеев — архивы военных стратегий. Здесь не было места для цветов и деревьев — была только сталь, бетон и напряжение, которое висело в воздухе, как запах гари после пожара.

Майкл перевёл взгляд на своё отражение в стекле. Он выглядел уставшим — лицо осунулось, под глазами залегли тени, а короткие тёмные волосы уже начали серебриться на висках, хотя ему было всего сорок три. Шрамы на его лице — следы старых боёв и аварий — напоминали ему о том, что война не заканчивается с подписанием перемирия. Она оставляет следы навсегда.

Он провёл рукой по подбородку, чувствуя щетину, и вздохнул. Сегодня должен был начаться новый день, но для него он начался ещё ночью, когда разведка подтвердила передвижение флота к нейтральной полосе. Генерал Хейворд отдал приказ о выдвижении, не поставив его в известность. Это было нарушение всех протоколов. Но Хейворд не соблю-

дал протоколы — он создавал их сам.

Майкл отвернулся от окна и прошёл к столу, где лежала папка с данными, которую он получил вчера вечером. Он открыл её и начал перелистывать страницы — отчёты о состоянии ресурсов, о количестве кораблей, о запасах продовольствия. Цифры были мрачными. У них было достаточно металла, чтобы поддерживать флот ещё несколько месяцев, но запасы еды и кислорода стремительно сокращались. Война была единственным способом получить ресурсы, которых им не хватало.

Или, возможно, была другая дорога.

Майкл закрыл папку и посмотрел на карту, висевшую на стене. На ней был изображён весь сектор — Белград, Кадуган и нейтральная полоса между ними. Зелёные и красные линии, отмечающие границы и зоны контроля. Он смотрел на Белград — город, который они должны были атаковать. Город, который он никогда не видел, но слышал о нём столько раз, что мог представить его в деталях. Сады, оранжереи, чистые коридоры. Они жили в мире, которого у Кадугана никогда не было.

Майкл помнил, что рассказывал ему отец. Он был учёным, одним из немногих, кто пытался наладить контакты с Белградом. Он верил, что наука и знания могут объединить города. Он летел на переговоры и не вернулся. Его обвинили в шпионаже и казнили. Майкл тогда был подростком, и эта новость сломала его. Он возненавидел Белград. Он вознена-

видел дипломатов, которые обрекли его отца на смерть. Он пошёл во флот, чтобы отомстить.

Но теперь, когда он стоял здесь, на пороге войны, он чувствовал, что его ненависть угасает. Он видел, как Хейворд манипулирует людьми, как он разжигает страх, чтобы получить власть. Он видел, как город, который он должен был защищать, превращается в машину для убийств. И он начал задавать себе вопросы, которые раньше не задавал.

— Капитан Фокс, — раздался голос из динамика коммуникатора. — Генерал Хейворд ждёт вас в командном центре. Через десять минут.

Майкл вздохнул и взял свою куртку.

— Я иду, — ответил он.

Он вышел из каюты и направился по коридору. Вокруг него сновали люди — солдаты, техники, офицеры. Все были заняты, все торопились. На их лицах читалось напряжение, смешанное со страхом. Они знали, что надвигается война. Они готовились к ней.

Майкл прошёл мимо групп молодых пилотов, которые стояли в стороне и тихо обсуждали что-то. Они замолчали, когда он проходил мимо, и он почувствовал на себе их взгляды — смесь уважения и недоверия. Он не знал, кто они, но он знал, что они смотрят на него как на командира, который должен вести их в бой. И он не знал, сможет ли он оправдать их ожидания.

Он вошёл в командный центр — огромное помещение

с панорамным экраном, на котором проецировалась карта сектора. В центре стоял генерал Хейворд — высокий, седой, с жёстким лицом и холодными глазами. Он был одет в безупречную военную форму, увешанную наградами, которых никто не помнил. Когда-то он был героем. Теперь он был просто фанатиком, который жаждал власти.

— Капитан Фокс, — сказал Хейворд, не оборачиваясь. — Я рад, что вы пришли.

— Вы вызвали меня, генерал, — ответил Майкл, подходя к столу. — Что случилось?

— Наши разведчики подтвердили, что флот Белграда начал мобилизацию, — сказал Хейворд, поворачиваясь к нему. — Они готовятся к войне. Мы должны ударить первыми.

Майкл посмотрел на карту, где были отмечены зоны мобилизации Белграда. Он знал, что это ложь. Данные, которые он видел, говорили о том, что Белград не готовится к нападению — они готовятся к обороне. Но Хейворд перекручивал факты, как всегда.

— Мы не должны ударить первыми, — сказал Майкл. — У нас нет доказательств, что они готовятся к нападению.

— Доказательства есть, — твёрдо сказал Хейворд. — И я не позволю вам ставить под сомнение приказы командования. Мы выступаем через два часа.

Майкл почувствовал, как внутри закипает гнев. Он знал, что Хейворд ведёт их к гибели. Но он не мог послушаться приказа — он был солдатом. Или он мог?

— Генерал, — сказал он, стараясь говорить спокойно, — я прошу вас дать мне возможность начать переговоры с Белградом. Если мы сможем договориться, мы сэкономим ресурсы и жизни.

Хейворд усмехнулся — коротко, без тени юмора.

— Переговоры? Вы такой же, как ваш отец. Вы верите в слова, а не в силу. Но война выигрывается силой, капитан. И мы победим. Без вашего согласия.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Майкл стоял неподвижно, сжимая кулаки. Он знал, что если он подчинится, то станет таким же, как Хейворд — убийцей, который прикрывается словами о долге и чести. Но если он не подчинится, его объявят предателем.

Он повернулся и вышел из командного центра, чувствуя, как в его голове зреет план.

Глава 7. Капитан Майкл Фокс

Майкл вышел из командного центра и направился в сторону ангаров, где базировалась его эскадрилья. Коридоры Кадугана были пустынными в этот ранний час — только редкие патрули и техники, спешащие по своим делам, пересекали его путь. Стук его собственных шагов эхом разносился по металлическим стенам, и этот звук казался ему слишком громким, слишком навязчивым, как барабанная дробь перед казнью.

Генерал Хейворд дал ему два часа на подготовку. Два часа, чтобы решить, кем он хочет быть — солдатом, который выполняет приказы, или человеком, который следует своей совести. Два часа, чтобы сделать выбор, от которого зависят тысячи жизней.

Майкл вошёл в ангар, где стояли истребители его эскадрильи. Это были тёмные, стремительные машины с острыми крыльями и мощными двигателями, способные развивать скорость, достаточную для манёвров в плотных слоях атмосферы. Он подошёл к своему кораблю, который стоял в центре ангара, и провёл рукой по его холодному металлическому корпусу. Этот истребитель был его домом во время боёв, его убежищем и оружием. Он знал каждую заклёпку, каждый сенсор, каждую систему. Но сегодня он смотрел на него с необычным чувством — не как на инструмент войны, а как

на свидетельство того, что он может остановить эту войну.

— Капитан Фокс!

Голос за спиной заставил его обернуться. К нему приближался лейтенант Артур Сайкс — молодой пилот, который служил под его началом уже три года. Артуру было двадцать пять, он был высоким, светловолосым, с открытым лицом и честными глазами. Он был одним из тех, кто верил в Майкла, и сейчас, глядя на его встревоженное лицо, Майкл понял, что он не один.

— Лейтенант, — сказал Майкл, стараясь говорить ровно. — Что случилось?

— Я хочу поговорить с вами, капитан, — ответил Артур, оглядываясь по сторонам. — Наедине.

Майкл кивнул и жестом пригласил его в небольшой кабинет рядом с ангаром. Когда они вошли, Артур закрыл дверь и повернулся к нему.

— Капитан, вы знаете, что генерал Хейворд объявил мобилизацию, — сказал он. — Я слышал, что он планирует атаковать Белград через несколько часов. Я не могу в это поверить.

— Это правда, — ответил Майкл, чувствуя тяжесть этих слов. — Я пытался остановить его, но он не слушает.

— Мы должны что-то сделать, — сказал Артур, и в его голосе звучала решимость. — Я не хочу воевать с Белградом. Я видел их караваны — они не военные, они просто люди, которые пытаются выжить.

Майкл посмотрел на молодого пилота и почувствовал, как в груди разливается тепло. Артур был прав. Они оба были правы. И они не были одиноки.

— Ты знаешь, что если мы выступим против приказа, нас объявят предателями? — спросил Майкл.

— Знаю, — ответил Артур. — Но я скорее буду предателем, чем убийцей.

Майкл кивнул. Он подошёл к столу и набрал код доступа к личному каналу связи. На экране появился его старый друг — капитан Ричардсон, который командовал третьей эскадрильей. Они знали друг друга много лет и доверяли друг другу.

— Ричардсон, — сказал Майкл, когда тот ответил. — У меня к тебе разговор. Срочный.

— Я слушаю, — ответил Ричардсон, и в его голосе слышалась тревога.

— Хейворд готовит атаку на Белград, — сказал Майкл. — Я собираюсь остановить его. Мне нужна твоя помощь.

На том конце повисла тишина. Затем Ричардсон сказал:

— Я с тобой, Майкл. Что я должен делать?

— Держи свои корабли в готовности, — ответил Майкл.

— Если я подам сигнал, ты блокируешь выход из ангаров. Мы не дадим Хейворду начать войну.

— Понял, — ответил Ричардсон. — Я готов.

Майкл отключил связь и посмотрел на Артура. В его глазах была надежда.

— У нас есть шанс, — сказал он. — Мы можем остановить их.

Артур кивнул.

— Что я должен делать?

— Иди к своим людям, — сказал Майкл. — Объясни им, что мы пытаемся предотвратить войну. Если они с нами, у нас есть шанс.

Артур вышел из кабинета, и Майкл остался один. Он посмотрел на экран, где светилась карта сектора, и сжал кулаки. Он знал, что идёт на риск. Но он также знал, что если он не попытается, он никогда не сможет жить с этим.

Он вышел из кабинета и направился обратно в ангар, где его ждала его эскадрилья. Когда он вошёл, все пилоты повернулись к нему. В их глазах был вопрос — что делать, как быть, кому верить.

— Я знаю, что вы слышали о мобилизации, — сказал Майкл, глядя на них. — Я знаю, что вы боитесь. Я тоже боюсь. Но я также знаю, что война — это не выход. Мы не должны воевать с Белградом. Мы должны найти другой путь.

Он сделал паузу, чувствуя, как его слова повисают в воздухе.

— Я собираюсь остановить эту войну. Я не могу сделать это один. Мне нужна ваша помощь. Если вы со мной, мы можем изменить будущее.

В ангаре повисла тишина. Затем один из пилотов, молодая женщина с короткими тёмными волосами, шагнула вперёд.

— Я с вами, капитан, — сказала она.

— Я тоже, — сказал другой.

Один за другим пилоты поднимали руки, выражая свою поддержку. Майкл смотрел на них и чувствовал, как в груди разливается тепло. Он знал, что они готовы рискнуть всем ради мира.

— Спасибо, — сказал он. — Мы не подведём друг друга.

Он повернулся и направился к своему истребителю. Через несколько часов они вылетят навстречу судьбе. И он знал, что каким бы ни был исход, он сделал правильный выбор.

— Мы справимся, — прошептал он, обращаясь к себе. — Мы обязательно справимся.

Он сел в кабину и начал проверять системы. Впереди его ждал день, который мог изменить всё.

Глава 8. Генерал Хейворд

Майкл стоял у входа в командный центр, чувствуя, как тяжёлая дверь из чёрного металла возвышается перед ним, словно стена, за которой скрывалась судьба всего Кадугана. Или, возможно, его собственная судьба. Он сжал кулаки и нажал на сенсорную панель. Дверь открылась с тихим шипением, пропуская его в просторный зал, где всегда чувствовалось напряжение — даже когда здесь не было никого, кроме дежурного персонала.

Генерал Хейворд стоял у центрального голографического стола, склонившись над картой нейтральной зоны. Его фигура казалась неподвижной, монументальной, словно он был частью самого корабля. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, военная форма сидела безупречно, а на лице застыло выражение холодной сосредоточенности. Когда Майкл вошёл, Хейворд поднял голову и посмотрел на него с лёгкой усмешкой, которая заставила Майкла внутренне напрячься.

— Капитан Фокс, — сказал Хейворд, не отрывая взгляда от карты. — Вы пришли вовремя. Я ожидал вас раньше.

— У меня были дела, — ответил Майкл, стараясь говорить спокойно. — Вы вызвали меня для доклада о планах атаки. Я готов слушать.

Хейворд выпрямился и жестом пригласил Майкла подой-

ти ближе. Он коснулся карты, и голограмма ожила, показывая флот Кадугана в движении — сорок кораблей, построенных в боевой порядок, направленных прямо на Белград. Красные линии обозначали предполагаемые траектории атаки, а жёлтые — зоны возможного сопротивления.

— Всё просто, — сказал Хейворд, и голос его звучал уверенно, почти торжествующе. — Мы ударим с трёх направлений одновременно. Основная группа — двадцать кораблей — пройдёт через центр нейтральной полосы, привлекая внимание обороны Белграда. В то же время фланговые группы обойдут их с двух сторон и нанесут удар по внешнему поясу города. Если всё пойдёт по плану, мы прорвём оборону за час.

Майкл смотрел на карту, и сердце его сжималось от холодного ужаса. Он знал, что Белград не сможет отразить такую атаку. Их флот был слабее, их ресурсы — на исходе, их люди устали от бесконечных конфликтов. Эта атака могла уничтожить город. Или, по крайней мере, ослабить его настолько, что он никогда не оправится.

— Генерал, — сказал Майкл, стараясь говорить ровно, — вы уверены, что это необходимо? Мы можем попытаться начать переговоры. Белград уже отправлял сигналы о возможном перемирии.

Хейворд резко повернулся к нему, и в его глазах мелькнула холодная искра.

— Переговоры? — переспросил он, и голос его стал жёст-

ким. — Вы предлагаете нам договариваться с врагом, который готовит свои корабли к атаке? Мы знаем, что Белград мобилизуется. Мы знаем, что они строят новые истребители. Если мы не ударим первыми, они уничтожат нас.

— У нас нет доказательств, что они готовятся к атаке, — возразил Майкл. — Мои разведчики докладывают, что они просто укрепляют оборону. Они не готовятся к нападению.

— Они лгут, — отрезал Хейворд. — Или их обманывают. В любом случае, мы не можем рисковать. Мы должны действовать сейчас, пока у нас есть преимущество.

Майкл почувствовал, как внутри закипает гнев. Он видел, что Хейворд не слушает его. Он видел, что генерал одержим идеей войны, и ничто не могло его остановить. Но он также видел, что за этой одержимостью скрывалось что-то другое — жажда власти. Хейворд хотел захватить Белград не ради ресурсов, а ради славы. Он хотел стать героем, который покорила последний свободный город. И он был готов пожертвовать тысячами жизней ради этой цели.

— Генерал, — сказал Майкл, и голос его стал твёрже, — я прошу вас дать мне возможность хотя бы попытаться. Если я смогу договориться с Белградом, мы сэкономим ресурсы. Мы сохраним жизни. Мы сможем избежать войны.

Хейворд усмехнулся — холодно, без тени юмора.

— Вы слишком наивны, капитан. Вы думаете, что слова могут остановить войну? Вы такие же, как ваш отец. Он тоже верил в дипломатию. И чем это кончилось? Его казнили. Вы

хотите повторить его судьбу?

Майкл сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость. Он ненавидел, когда Хейворд упоминал его отца. Он ненавидел, когда генерал использовал память о нём как оружие против него.

— Мой отец был учёным, — сказал Майкл, и голос его задрожал от едва сдерживаемого гнева. — Он верил, что знание и сотрудничество могут изменить мир. И он был прав. Если бы его послушали, мы бы сейчас не стояли на пороге войны.

— Он был предателем, — отрезал Хейворд. — И вы, капитан, рискуете стать таким же. Если вы не подчинитесь приказу, я буду вынужден принять меры.

Майкл смотрел на генерала и понимал, что переубедить его невозможно. Хейворд не хотел мира. Он хотел войны. И он использовал страх и ложь, чтобы подчинить себе людей.

— Я подчинюсь приказу, — сказал Майкл наконец, чувствуя, как слова застревают в горле. — Но я прошу вас дать мне время до рассвета. Я проверю данные разведки и доложу вам окончательный план.

Хейворд смотрел на него долгим взглядом, изучая его лицо.

— Хорошо, — сказал он наконец. — У вас есть время до рассвета. После этого мы выступаем.

Он отвернулся к карте, давая понять, что разговор окончен.

Майкл повернулся и вышел из командного центра, чувствуя, как внутри него бушует буря. Он знал, что не может позволить Хейворду начать войну. Но он также знал, что если он выступит против генерала, его объявят предателем. У него было всего несколько часов, чтобы найти выход.

Он направился по коридору, и в его голове уже начал формироваться план.

Глава 9. Тени прошлого Майкла

Майкл вышел из командного центра и направился к себе в каюту. Коридоры «Молота» были пустынными в этот пред-рассветный час — только редкие патрули и дежурные техники, которые не спали уже третьи сутки, попадались ему на пути. Стук его собственных шагов эхом разносился по металлическим стенам, и этот звук казался ему слишком громким, слишком навязчивым, как напоминание о том, что время уходит.

Он вошёл в свою каюту и закрыл за собой дверь. Внутри было тихо и темно — он не включал свет, предпочитая полумрак. Он прошёл к столу, сел в кресло и уставился на стену перед собой. Перед его глазами всё ещё стоял образ Хейворда — его холодные глаза, его самодовольная усмешка, его слова о том, что отец был предателем. Майкл сжал кулаки, чувствуя, как гнев пульсирует в его венах.

Он поднялся и подошёл к старому металлическому шкафу, стоявшему в углу. Внутри лежали вещи, которые он хранил много лет — единственное, что осталось от его отца. Он открыл дверцу и достал небольшую коробку, покрытую тонким слоем пыли. Внутри лежали старые фотографии, письма и небольшой жетон с выгравированным именем: «Джеймс Фокс, учёный, исследователь Венерита».

Майкл взял жетон в руки и провёл пальцем по гравиров-

ке. Он помнил, как отец надевал его каждый день перед работой. Он помнил, как отец говорил, что быть учёным — это призвание. И он помнил, как отец ушёл в тот последний раз, когда они виделись.

Майклу тогда было пятнадцать. Он стоял у шлюза и смотрел, как отец надевает скафандр. Джеймс Фокс был высоким, худощавым мужчиной с добрыми глазами и седеющими волосами. Он повернулся к сыну и улыбнулся — той же улыбкой, которую Майкл помнил до сих пор.

— Я скоро вернусь, Майкл, — сказал он. — Я лечу в Белград на переговоры. Если всё получится, мы сможем остановить войну.

— Ты вернёшься? — спросил Майкл, чувствуя странную тревогу в груди.

— Конечно, — ответил отец. — Я всегда возвращаюсь. Береги маму. И помни: война — это не выход. Мир — это сила.

Он обнял сына, и Майкл почувствовал тепло его тела. Затем отец отвернулся, вошёл в шлюз, и дверь за ним закрылась.

Это было последнее, что Майкл видел.

Через три дня пришло сообщение: отец казнён. Обвинён в шпионаже. Тело отправлено в открытый космос. Мать не плакала. Она просто сидела у окна и смотрела на облака, не говоря ни слова. А Майкл стоял рядом и чувствовал, как внутри него закипает ненависть. Ненависть к Белграду.

Ненависть к дипломатам. Ненависть к миру, который отнял у него отца.

Он пошёл во флот. Он хотел мстить. Он хотел уничтожить тех, кто убил его отца. Он стал лучшим пилотом в своей эскадрилье, затем капитаном. Он сбил десятки кораблей Белграда и никогда не чувствовал сожаления. Он был солдатом, который выполнял свой долг.

Но теперь, когда он стоял здесь, на пороге новой войны, он чувствовал, что его ненависть угасает. Он видел, как Хейворд использует его, как генерал манипулирует людьми, как он разжигает страх ради власти. Он видел, что война не приносит ничего, кроме смерти и страданий. И он начал задавать себе вопросы, которые раньше не задавал.

Майкл положил жетон обратно в коробку и закрыл шкаф. Он подошёл к окну и посмотрел на внешнюю стену, за которой начинались облака. Где-то там, за этой стеной, находился Белград. Город, который он ненавидел всю свою жизнь. Город, который, возможно, был не виновен в смерти его отца.

Он вспомнил, что сказал отец в своём последнем письме, которое Майкл получил уже после его смерти. Он не читал его много лет — он не мог заставить себя. Но теперь он достал его из той же коробки и развернул потрёпанный лист бумаги.

«Майкл, сынок. Я пишу это, потому что хочу, чтобы ты знал правду. Я не шпион. Я не предатель. Я просто хочу ми-

ра. Я верю, что Белград — это не враг. Я верю, что мы можем найти общий язык. Если я не вернусь, не вини их. Виновата война, а не люди. Помни: даже враг может стать другом, если ты дашь ему шанс. Я люблю тебя, сынок. Береги себя».

Майкл сжал письмо в руках, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Он не плакал много лет — не с того дня, когда мать умерла от болезни, оставив его одного. Он держал всё в себе, и теперь эти слова прорвали плотину.

— Папа, — прошептал он, обращаясь к пустоте. — Я не знаю, что мне делать. Я хочу остановить войну, но я не знаю как.

Он стоял в тишине, и ему казалось, что он чувствует присутствие отца — его тепло, его поддержку. Он знал, что должен сделать правильный выбор. Он должен попытаться остановить войну, даже если это будет стоить ему жизни.

Он убрал письмо обратно в коробку и взял с собой жетон отца. Он положил его на стол рядом с собой, чувствуя, как он напоминает ему о том, за что он борется.

Он сел за стол и начал писать сообщение на личный канал связи. Он должен был предупредить Белград о планах Хейворда. Он должен был дать им шанс подготовиться. Даже если это означало, что его объявят предателем.

— Я не подведу тебя, папа, — сказал он. — Я сделаю то, что ты не смог. Я остановлю эту войну.

Он нажал кнопку отправки и откинулся на спинку кресла. Впереди его ждал день, который мог изменить всё. И он был

готов встретить его.

Глава 10. Подготовка к войне

Майкл сидел за столом, глядя на экран коммуникатора, где тускло горел зелёный индикатор отправки сообщения. Он только что отправил предупреждение в Белград — короткое, но ёмкое: «Кадуган готовит атаку через 24 часа. Хейворд планирует тройной удар. Готовьте оборону». Сообщение было закодировано и отправлено через старый канал связи, который использовался ещё его отцом для научных обменов. Майкл надеялся, что в Белграде есть люди, которые помнят этот канал. Он надеялся, что они поймут.

Но даже если они получают предупреждение, этого может быть недостаточно. Хейворд был решителен, а его сторонники — многочисленны. Остановить атаку в одиночку было невозможно. Майкл знал, что ему нужны союзники внутри самого Кадугана.

Он поднялся и вышел из каюты, направляясь к ангарам. Гул голосов и металлический лязг слышались уже издалека — подготовка к войне шла полным ходом.

Когда Майкл вошёл в центральный ангар, он замер на мгновение, поражённый масштабом происходящего. Это была не просто мобилизация — это было полное перевооружение флота. Вдоль стен рядами стояли истребители, и техники в чёрных комбинезонах суетились вокруг них, проверяя оружейные системы, заправляя топливные баки, калиб-

руя навигационные компьютеры.

В воздухе пахло озоном и раскалённым металлом, смешанным с запахом машинного масла и пота. Громкие голоса отдавали приказы, и эхо шагов разносилось по огромному пространству, как дробь барабанов, задающая ритм надвигающейся катастрофе. Механизмы гудели, гидравлика шипела, и где-то вдалеке слышался вой турбин — корабли готовились к взлёту.

Майкл прошёл между рядами кораблей, чувствуя, как каждый звук, каждый запах врежется в его память. Он видел лица пилотов — молодых, испуганных, но старающихся держаться. Они смотрели на него с надеждой, когда он проходил мимо, и он чувствовал тяжесть их ожиданий на своих плечах.

— Капитан Фокс!

Он обернулся и увидел Артура Сайкса, который бежал к нему по ангару. Молодой пилот выглядел встревоженным — его лицо было бледным, а дыхание сбившимся.

— Капитан, я должен вам кое-что сказать, — произнёс Артур, остановившись перед ним. — Это важно.

— Говори, — ответил Майкл, отводя его в сторону, подальше от чужих ушей.

— Я слышал, как техники говорили о плане атаки. Хейворд хочет ударить по жилым секторам Белграда, а не по военным объектам. Он планирует уничтожить системы жизнеобеспечения, чтобы вызвать массовую панику и принудить

Белград к капитуляции в первые же часы.

Майкл почувствовал, как внутри похолодело. Он знал, что Хейворд был безжалостен, но это превосходило все его ожидания. Удар по жилым секторам означал гибель тысяч мирных жителей — женщин, детей, стариков. И Хейворд был готов на это ради своей цели.

— Ты уверен? — спросил Майкл, хотя уже знал ответ.

— Абсолютно, — сказал Артур. — Я слышал это своими ушами.

Майкл закрыл глаза на мгновение, собираясь с мыслями. Он знал, что не может допустить этого. Он должен был остановить Хейворда, даже если это означало пойти против всего флота.

— Артур, у меня есть план, — сказал он, открывая глаза. — Я хочу перехватить управление флотом в момент атаки и перенаправить удар на нейтральную зону. Если мы сможем выиграть время, у Белграда появится шанс подготовиться.

— Но как мы это сделаем? — спросил Артур. — Нас слишком мало.

— У нас есть сторонники, — ответил Майкл. — Капитан Ричардсон и его эскадрилья готовы поддержать нас. Если мы сможем заблокировать ангары в момент старта, мы сможем предотвратить атаку.

Артур кивнул, и в его глазах загорелась решимость.

— Я с вами, капитан.

Майкл положил руку на плечо молодого пилота.

— Спасибо, Артур. Мы справимся. Но сначала я должен кое-что сделать.

Он направился к ангару, где стоял его истребитель. Он должен был убедиться, что его корабль готов к миссии, которая могла стать его последней.

Он подошёл к своему истребителю и провёл рукой по его холодному металлическому корпусу. Этот корабль был с ним в десятках боёв. Он знал каждую его систему, каждый сенсор, каждый угол. Сегодня он должен был использовать его для другой цели — не для войны, а для мира.

Он забрался в кабину и начал проверять системы. Двигатели, орудия, системы наведения — всё было в идеальном состоянии. Он завёл двигатели, и они загудели, наполняя ангар низким звуком, похожим на рёв хищника.

В этот момент к нему подошёл ещё один пилот — капитан Ричардсон, его старый друг и союзник. Он был высоким, сухопарым мужчиной с седеющими волосами и шрамом через всю щёку — следом давнего боя.

— Майкл, — сказал Ричардсон, подходя к истребителю. — Я всё организовал. Мои люди готовы.

— Спасибо, — ответил Майкл. — Как только я подам сигнал, вы блокируете выход из ангаров. Мы не дадим Хейворду начать войну.

— А что ты будешь делать?

— Я пойду к Хейворду, — сказал Майкл. — Я попытаюсь остановить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.